

ТАТЬЯНА ШИШОВА

ВЕРА И ВЕРНОСТЬ

За постсоветские десятилетия почти не появилось новых праздников. Те же, что появились (к примеру, День России, который часто называют Днем независимости и ассоциируют с распадом СССР), народной любви, как правило, не снискали. Нет, конечно, народ не против лишнего выходного, но не больше того. А вот восстановление старых праздников происходит на удивление легко. Казалось бы, тоже всё необычно, тоже приходится привыкать. Но привыкание тут иного свойства. Так чувствует себя ребенок, надолго разлученный с родными, а потом снова увидевший забытые лица. Или старик, очутившийся в местах, где прошло его детство. Первая реакция – оторопь. А затем – щемящая радость от обретения пропажи... Даже если человек никогда раньше не праздновал Рождество или Пасху, для него всё равно это встреча с забытым прошлым. Не он – так его предки праздновали и передали ему память об этом на генетическом уровне. Такое чувство, что в последние годы душа народа особенно изголодалась по невымученной, неподдельной, истинной радости. По праздникам, которые не меняются в угоду политикам, а прославляют вечные ценности и потому остаются на века.

Вот и предложение объявить 8 июля, день памяти святых Петра и Февронии, которые издревле считались покровителями семьи и брака, Всероссийским днём семьи, любви и верности сразу нашло отклик среди людей. Причём независимо от вероисповедания! С момента официального учреждения праздника прошло всего ничего, а впечатление такое, будто он существовал всегда. Люди поздравляют друг друга, ставят в вазы букеты ромашек (этот милый, нежный цветок было предложено сделать символом праздника), стараются, несмотря на рабочий день, побывать в храме, заказывают молебны покровителям супружества. В загсах возрастает число бракосочетаний: неверующим или невоцерковленным парам неважно, что День семьи приходится на Петров пост. Они ориентированы на название праздника и надеются, что брак, заключенный в такой знаменательный день, имеет больше шансов оказаться счастливым.

Но самое поразительное, на мой взгляд, заключается в том, что происходит всё это на фоне роста числа разводов! В среднем из 10 заключенных браков распадается 7. А бывает и больше. В Приамурье, например, за три месяца 2011 года образовалось около 1500 новых семей, а распалось около 1200. Соотношение 10:8.

Что за странная раздвоенность? С одной стороны, общество спокойно терпит разврат, реагируя (да и то очень вяло) на его крайние, вопиющие формы. И не просто терпит, но и соучаствует: потеря девственности до брака, частая смена «партнёров», внебрачное сожитительство, измены и т. п. воспринимаются в последние годы куда снисходительней, чем раньше. В достаточно

широких слоях населения всё это, можно сказать, стало новой нормой. И в то же время люди жаждут крепкой семьи, любви и верности... Вам не кажется это нелогичным?

Можно, конечно, предположить очередной раскол нашего общества: дескать, за половую свободу ратуют одни, за верность – другие. Отчасти, возможно, и так. Но лишь отчасти. Всего одна маленькая зарисовка. В кабинете психиатра девочка-подросток. Серьезной патологии нет, но ситуация аховая: в школу не ходит, связалась с дурной компанией, в свои 14 лет уже часто не ночует дома, пропадая невесть где по неделям... Пиво, водка, сигареты, взрослые парни, – в общем, полный набор “современной леди”. Знания (школьные, конечно, а не те, которые получают на улице) на нуле. Девочка не в состоянии решить арифметическую задачу на уровне второго, максимум третьего класса. Но при поступлении в первый класс интеллект был сохранен, никакой задержки развития не наблюдалось, так что нынешнее ее состояние – это плачевный результат педагогической запущенности.

Психиатр устало вздыхает. По его собственному признанию, к нему такие девочки и мальчики сейчас идут косяками. А потом спрашивает:

– Ты в будущем семью-то собираешься заводить?

– Конечно! – следует неожиданный ответ.

– И детей хочешь? – уточняет врач.

– Ну да, – девочка смотрит на докторшу, как будто та свалилась с Луны. Дескать, что за нелепый вопрос! Как можно взрослому человеку жить без семьи и детей?..

Вообще-то врачу было важно не выяснить репродуктивные установки подростка, а озадачить его следующим вопросом:

– И чему ты своих детей будешь учить, если сама ничему не научилась? Ты ведь не захочешь, чтобы они росли неучами, правда?

Но мне сейчас хочется заострить внимание именно на репродуктивных установках. На том, с какой поразительной готовностью юная искательница уличных приключений дала положительный ответ на вопрос о своей будущей семье. Ведь ещё недавно такая девочка отреагировала бы прямо противоположным образом. Какая семья?! Какие дети?! За ними она, что ли, бежит на улицу? Семья – это скучно, уныло, несовременно. В 90-е годы куда более благополучные, разумные люди – и те в ответ на подобный вопрос махали рукой: мол, кому это сейчас нужно? Взрослые были озабочены выживанием, а молодёжь, которую реклама и СМИ наперебой призывали “не тормозить”, “сникерснуть”, “оторваться” и “приколоться”, представляла себе будущую жизнь как одну сплошную дискотеку, на которую семье и детям входа, естественно, не было. Теперь же даже в среде “безбашенных” подростков можно встретить ориентацию на создание семьи. Конечно, пока лишь на уровне неких абстрактных, отсроченных целей. Единства слов и дела тут не наблюдается. Но изменение установок уже обнадеживает.

Об этом свидетельствуют и данные социологических исследований. Так, несмотря на высокий процент разводов, отношение к ним становится более отрицательным. В исследовании “Московская семья-2006” (Информационно-аналитические материалы по результатам социологических исследований, М., ГосНИИ семьи и воспитания, 2007) приведены интересные данные. Оказывается, с 2001 по 2006 годы доля респондентов, считающих развод нормальным явлением, сократилась с 19 до 13% среди мужчин и с 23 до 12% среди женщин. Снизилась и доля тех, по чьему мнению, “молодёжи следует пожить для себя, а потом уже рожать детей”.

Как разруха, так и созидание начинаются в головах. А потому действительно самое время поговорить о верности. Что такое “верность матери”? В чём именно она выражается? Произошли ли в данном вопросе какие-либо подвижки за последние десятилетия, и если да, то в какую сторону и что с этим делать?

БРАК ЧЕСТЕН И ЛОЖЕ НЕПОРОЧНО

В обществе с сохранной системой ценностей женщины прежде, чем стать матерями, становятся женами. Понятие законного брака существовало, что называется, от века, хотя верования и обычаи у разных народов сильно раз-

нились. Вступая в брак, жених и невеста всегда давали брачные обеты. Звучать они опять-таки могли по-разному, но сущность была одна: образовывался союз, и супруги (само слово говорящее: *вместе в одной упряжке*) обещали его беречь, хранить ему верность, быть вместе и в горе, и в радости. Реальность, конечно, не всегда соответствовала идеалу, но для нашего разговора принципиально не это. Важно, что считалось идеалом, к чему следовало стремиться. К женщинам требования в плане верности обычно предъявлялись повышенные, и лишь христианство, будучи религией Правды, а потому не терпящее ханжества и несправедливости, не делает в этом плане различий. “Брак у всех да будет честен и ложе непорочно; блудников же и прелюбодеев судит Бог” (Евр. 13:4).

Соединяясь в браке, муж с женой становятся единым целым. “И будут два одной плотью, так что они уже не двое, но одна плоть”, — говорит Христос (Мф. 19:5-6). В таком понимании брака верность — непременное условие, без соблюдения которого эта единая плоть умирает, как умирает рассечённое тело.

В своей полноте верность должна проявляться не только в плане физическом, как отсутствие “романов на стороне”, но и на душевном, а также на духовном уровнях. Семья — некий новый, таинственным образом возникающий организм. “Брак — это Божественный обряд. Он был частью замысла Божия, когда Тот создавал человека. Это самая тесная и самая святая связь на земле”, — читаем в записях св. Императрицы Александры Феодоровны.

Ещё вчера было две отдельных личности, два “я”, а сочетались эти личности браком — и возникла новая сущность: *мы*. Чтобы это “мы” сохранилось и упрочилось, чтобы два чужих по крови человека сроднились ближе кровных родственников, нужно немало потрудиться, многим пожертвовать, утесняя себя, ибо “любовь не ищет своего” (1 Кор. 13:5). Но если удастся преодолеть соблазны и искушения (которых особенно много в молодости, да и потом хватает), то наградой будет невыразимое и, увы, мало кому в наши дни ведомое счастье полного единения и безграничного доверия друг другу. А для детей это, быть может, окажется самым дорогим наследством, предметом особой гордости, потому что ещё чуть-чуть — и нерасщепленное, крепкое семейное древо пора будет заносить в Красную книгу.

КОГДА РЕБЁНОК ВАЖНЕЕ МУЖА?

Но вот новое семейное *мы* начинает разрастаться: на свет появляется ребёнок. По идее, должна разрастаться, умножаясь, и любовь. Любовь к мужу и к детям как к порождению семейного союза. Но нередко бывает наоборот. Муж вдруг оказывается не нужен. Нет, не то чтобы совсем. Наоборот, требования к нему возрастают, но любовь (вернее, то, что за неё принималось) тускнеет. Недостатки, которые есть у каждого человека, но к которым женщина ещё недавно относилась снисходительно, вдруг выступают на первый план, затмевая собой достоинства (которые опять-таки, хоть и в разной степени, есть у всех). И любовь начинает иссыхать. Вернее, перетекать к ребёнку. А женщина не только не мучается из-за этого угрызениями совести, как, вероятно, мучилась бы, заведя роман на стороне, но считает, что так и надо. Что любить детей больше мужа совершенно нормально. Это сейчас настолько распространено, что кажется чуть ли не законом природы. Ведь в природе действительно встречаются случаи, когда самки не только охладевают к своему избраннику, обзаведясь от него потомством, но и вовсе отгрызают ему голову.

Однако как бы ни хотелось современным социал-дарвинистам и прочим богоборцам низвести людей до животного состояния, люди не пауки и даже не “высокоразвитые приматы”. И если они хотят счастья (а, создавая семью, об этом мечтает каждая пара), нужно жить не по установлениям *века сего*, которые всё более и более губительны для семьи, а по тем законам, которые дал людям Бог. Бог же заповедал человеку оставить отца и мать и прилепиться к жене. Причём прилепиться навеки: “Что Бог сочетал, того человек да не разлучает” (Мф. 19:6). Если воспринять это всерьёз, а не как фигуру речи или красивую метафору, то при всей любви матери к детям муж не отойдёт на второй план. Даже если заботы о младенце будут поглощать почти всё мамино время! И выбор “муж или ребёнок” будет казаться таким же нелепым, как во-

прос, которым порой обескураживают детей ревнивые родственники или не очень умные знакомые: “Ты кого больше любишь: маму или папу, нас или других бабушку с дедушкой?”

Когда интересы детей становятся выше интересов мужа? Да тогда, когда целостность брака оказывается под угрозой (например, у мужа появляется другая женщина, а то и “параллельная семья” с внебрачными детьми) или когда брак распадается. Если брак перестает восприниматься как нечто незыблемое, нерасторжимое, тогда на первый план выходят узы кровного родства: “Муж сегодня есть – завтра нет, а ребёнок – твоя кровиночка, он с тобой навсегда”. (Хотя логика неверна, ибо ребёнок вырастет и отделится от матери, повинувшись всё тому же Божескому установлению, и женщина на склоне лет останется одна.)

ВЫЙТИ ИЛИ СХОДИТЬ ЗАМУЖ?

Что греха таить, эмансипация и феминизм настолько глубоко въелись в поры современного общества, что женщины, даже сами того не подозревая, невольно проникаются легкомысленным отношением к браку. Даже выражение появилось: “Сходить замуж”, – а потом вернуться. По статистике, большинство разводов происходит по инициативе женщин. Получается, они дорожат браком меньше, чем мужчины? Конечно, без причины разрыв не наступает, но как часто эти казавшиеся по молодости вескими причины на поверку, по зрелом размышлении оказываются обычными, заурядными житейскими трудностями, которых полным-полно в жизни каждого человека. А порой и вовсе пустяками, не стоящими выеденного яйца, но из-за которых был потребован развод. А поскольку женщины более эмоциональны и больше, чем мужчины, склонны действовать в порыве чувств, то и подавать на развод чаще спешат именно они.

А теперь задумаемся, что лежит в основе жизненного кредо “не понравилось – разбежались”, а чего там нет и в помине. Эгоизм? – Конечно, наличествует и даже с избытком. Своеволие? – Безусловно. Решительность? – Тоже имеется. Даже при самом либеральном отношении к браку на развод всё равно надо решиться. Может присутствовать и оскорбленное самолюбие. Кем-то движет романтизм (часто звучащий мотив разрыва – “нет любви”), кем-то – прагматический расчёт (подвернулся лучший вариант). Неважно обстоят дела в подобных случаях с умением прогнозировать последствия событий, особенно отдалённые (к примеру, мамы маленьких мальчиков, раздражённые конфликтами с мужем, не очень-то склонны задумываться над тем, смогут ли они справиться в одиночку с воспитанием современных подростков; их куда больше волнует “здесь и сейчас”). Ну, а такие категории, как вера и верность, оказываются и вовсе списанными в утиль.

“В 1991 году сексолог Шер Хайт обнаружил, что 70% замужних женщин изменяли своим мужьям, – сообщает газета “Вашингтон пост”, – а в 1993 году оказалось, что 72% женатых мужчин не брезгают флиртом на стороне. По данным исследования Чикагского университета, проведённого в 2004 году, около 25% женатых мужчин хотя бы раз имели внебрачный секс”. Американский психолог Эрик Андерсон опровергает “миф” о том, что любовь всегда предполагает верность. По его утверждению, “нередки случаи, когда близкие люди изменяли друг другу не потому, что огонь между ними угас, а лишь из-за стремления получить новые сексуальные ощущения с другим партнёром. Как правило, такой вид измены распространён среди молодых людей в возрасте до 30 лет”. Согласно проведённому психологом исследованию, около 78% мужчин изменяли своим девушкам, и лишь несколько из них сказали, что делали это потому, что разлюбили свою партнёршу. Несмотря на то, что в современном обществе наиболее приемлемыми считаются моногамные отношения, многие пары не хотят всю оставшуюся жизнь вступать в интимную связь лишь с одним человеком. Американский психолог предлагает в таких случаях честно признаваться своему любимому человеку, что такой “стандартный вариант” для их отношений не подойдёт. Многим удаётся сохранить брак, даже зная, что их муж или жена время от времени “ходит налево”. Так что измена далеко не всегда является приговором для отношений, считает Эрик Андерсон (<http://health.mail.ru/articles/106184/>).

Наши специалисты тоже не хотят ударить в грязь лицом.

— Представляете, что городят теперь по радио?! — моя собеседница, пожилая интеллигентная женщина, обогатившая нашу художественную литературу прекрасными переводами с испанского и других европейских языков, даже не подозревает, насколько она оторвана от современной реальности. — Я тут как-то включила радио и попала на передачу семейного психолога. Какой-то, говорят, известный. Очень его рекламировали. И вот представляете? Звонит ему женщина. Так, мол, и так, у нас с мужем проблемы, соримся часто. А он в ответ: “Разводитесь! Раз проблемы — значит, брак себя исчерпал. Чего тянуть? Совместная жизнь должна приносить радость”. По-моему, это какая-то провокация. Разве может психолог так рассуждать? Его о помощи попросили, а он: “Расходитесь”...

Пришлось объяснить, что никакая это не провокация, а достаточно распространённый подход к решению семейных проблем. И в подтверждение своих слов рассказать историю о том, как мать одной тринадцатилетней девочки с подозрением на шизофрению, положив дочку в больницу, решила и сама прибегнуть к помощи тамошних психологов, поскольку врач уверяла, что они помогут оздоровить семейный климат. Обстановка в семье действительно к тому времени была довольно напряжённой, ведь жить с душевно-больным человеком, даже маленьким, психологически трудно — и у здоровых нервы расшатываются. Однако методы оздоровления обстановки выглядели, мягко говоря, странно. Женщину попросили определиться, чего она хочет: сохранить семью или развестись (хотя ни ей, ни мужу мысль о разводе даже в голову не приходила!). И пояснили, видя её растерянность: “Нам надо знать, на что Вас настраивать. Если на развод — то пойдёте к Иванову, он у нас специализируется по этой тематике, а если на сохранение семьи — то к Сидорову”.

Женщина начала было что-то лепетать про венчанный брак, но по ответной реакции быстро поняла, насколько неадекватными выглядят её аргументы, и прикусила язык, побоявшись, что в карте дочери появится запись про отягощенную наследственность. А это, в свою очередь, может повлиять на постановку диагноза. Надо ли говорить, что от работы с больничными специалистами женщина и её супруг постарались уклониться?

ПРИ ЧЁМ ТУТ ВЕРА?

— Но при чём тут вера? — скажет кто-нибудь. — Можно подумать, венчанные браки не распадаются. Теперь даже многодетность не служит залогом прочности брака. Один известный священник так прямо и говорит: “Я раньше думал, что если в семье несколько детей, то муж семью уж точно не бросит. А теперь вижу, что бросают и с пятью, и с шестью детьми. И венчанный брак для них не преграда!”

Так и есть. Мне тоже доводилось сталкиваться с подобными случаями. Правда, в основном инициативу проявляли мужья, оставляя женщину с детьми (в том числе с грудными) и устремляясь на волю в поисках лучшей доли. Но встречались и загулявшие многодетные матери, которые до какого-то времени справлялись со своей семейной ролью, а потом — как с цепи сорвались... Что же касается венчанных браков без детей или с одним ребёнком, то женщины тут достаточно часто бывают инициаторами разрушения семьи.

Но в конечном итоге всё зависит не от полового признака, а как раз от веры. От её серьёзности, глубины, искренности. Причём сейчас, по моим наблюдениям, люди невоцерковленные порой относятся к венчанию с большим пиететом, чем те, кого с детства водили в храм, воскресную или даже общеобразовательную православную школу. Разумеется, не для всех, но для части таких молодых людей Православие стало некоей внешней оболочкой. Хорошо знакомой, с детства привычной. Быть может, даже по-своему любимой, в какие-то моменты приятной для души. Но душа гораздо больше жаждет мирского, она хочет быть “от мира сего”. И когда наступает момент решительного выбора, эта жажда нередко перевешивает. И тогда бывает легче сказать, что “у вас своё мнение, а у меня — своё”, назвать какие-то нормы ханжеством, заявить, что Апостолы тоже были людьми и могли ошибаться. И каноны были составлены для другого времени, а сейчас времена изменились. А можно во-

обще ничего не говорить: замкнуться и делать по-своему. А чтобы было не очень стыдно, перестать ходить в храм. Никто ведь тебя не осудит, особенно если общаться с теми, кто тоже туда не ходит. А поскольку таковых большинство, то компанию долго искать не придётся.

По большому счёту, всё упирается в веру. Ну, а верность – та вообще одного с ней корня. Как без веры в Бога объяснить необходимость верности? Кто сказал, что надо быть верным? Мама, которая сама развелась? Или не разводилась, но терпит такие выходки отца, которые лучше бы не терпеть, ведь дети тоже от них страдают? Ну, или даже так (хотя это сейчас нетипичный случай): родители всегда жили душа в душу, сыграли серебряную свадьбу, являют собой пример семейной верности и любви. Ну и что? Маме повезло, что у неё такой муж. А другим не везёт! Другие долго ищут своё счастье. И вообще, у мамы – своя жизнь, а у меня – своя. Нет двух одинаковых судеб. А кроме родителей, о верности вообще никто речи не заводит. Откройте любой журнал, почитайте про знаменитых. У всех были романы, захватывающие переживания. Было что вспомнить на старости лет! И вообще, что плохого, если люди расходятся по обоюдному согласию, без ссор и делёжки имущества? Лучше уже сейчас разбежаться, пока детей нет (или дети маленькие, ещё не успели привыкнуть жить с обоими родителями). Ведь потом хуже будет!

Как тут без апелляции к вере доказать обратное? И даже с апелляцией – как доказать, если нет веры, которая в данном случае выражается в доверии к тому, что Божественные установления – непреложная истина, а не чьё-то “субъективное мнение”? И вообще, зачем быть верным, если проще, легче, приятней быть неверным?

Но как и всё, что исходит от лукавого, выгоды оказываются призрачными, эфемерными. Простота превращается в запутанность, когда человек уже не знает, кого он на самом деле любит и любит ли вообще. А порой и сам себе оказывается не нужен настолько, что готов покончить счёты с жизнью, не дожидаясь естественного конца. Лёгкость в любой, самый неожиданный момент может обернуться тяжестью угрызений совести и запоздалого, но от этого не менее мучительного раскаяния. Приятность – та вообще проходит удивительно быстро, оставляя после себя довольно-таки тошнотворный привкус тоски и уныния, который люди пытаются заглушить разными способами: от бесконечной погони за новыми приятностями до приёма антидепрессантов и прочих взбадривателей, которые только ещё больше затягивают их в пучину тоски.

Так что вольному, конечно, воля, но всё же имеет смысл как можно раньше осознать непреложность Христова императива: “Будь верен даже до смерти” (Откр.: 2:10) и стараться строить свою жизнь в соответствии с ним.

– А я считаю, что главное – не изменять самому себе! – нередко восклицают люди, и по тону восклицаний понятно, что этот принцип кажется им высоким, достойным уважения.

Не будем спорить. Пусть так. Только вот надо разобраться, что значит “самому себе”? Какой своей части: падшей, греховной природе или образу Божию, который есть в каждом человеке? Грех отделяет человека от Бога и соединяет с дьяволом. Но дьявол лукав. Он лжец и отец лжи. Измена, предательство составляют основу его существования. Собственно, он и сатаной-то (противником) стал, когда изменил Богу, попытался устроить мятеж. Бесы, по свидетельству святых подвижников, которым они являлись, даже формы постоянной не имеют, беспрестанно меняя личины. Так какая же может быть верность в грехе? Это, наоборот, предательство. Предательство своей души, сотворённой по образу и подобию Божию, предательство всего того уникального, великого и непостижимо-прекрасного, что вложил в нас Господь. Легкомысленный отказ от тех возможностей, которые таит в себе раскрытие образа Божия в человеке. Неблагодарное, изменническое отвержение вечной жизни, спасения, путь к которому открыл нам Христос, принеся себя в жертву за грехи человечества.

Как и многие другие с виду глубокомысленные сентенции, заявление о верности самому себе на проверку оказывается чушью, которую только в помрачении ума можно принять за мудрость. Но поскольку грех помрачает ум, то, отходя от Бога, люди утрачивают здравомыслие.

ВЕРНОСТЬ МУЖЧИНЫ И ВЕРНОСТЬ ЖЕНЩИНЫ

А всё-таки, есть отличия или это предрассудки, устаревшие стереотипы? Думается, разница есть, но не в том, в чём её видело (и отчасти до сих пор видит) общественное сознание, гораздо снисходительней относясь к мужским изменам, нежели к женским, и даже пытаюсь подвести под это некую научную базу: дескать, таковы особенности мужской физиологии, психологии и невесть чего ещё. В этом отношении христианство, как уже было сказано выше, не делает различий и предъявляет одинаково высокие требования (не только на уровне действий, но и на уровне помыслов) к обоим полам. А вот в более широком смысле верность мужчин и женщин понимается по-разному, поскольку различно их предназначение.

От мужчин всегда требовалась верность Богу, семье и Отечеству. При необходимости они должны были отстаивать это с оружием в руках. Когда мужчина шел воевать, оставляя дома жену и детей, его поступок не воспринимался как предательство семьи, хотя семья реально оказывалась без мужской защиты и вполне могла погибнуть (что порой и случалось). Но все понимали: защищая Отечество, отец семейства защищает тем самым и свою семью. Его поведение считалось достойным и ответственным.

Если же женщина бросала детей и шла сражаться, это была крайность — дальше некуда. Значит, мужчин почти не осталось. В иных случаях общество это не одобряло, считало странностью, сумасбродством, а то и безумием, поскольку основная задача женщины заключалась в хранении семейного очага, заботе о детях и стариках. То есть женская верность — это верность Богу и семье. Причём в первую очередь не своей кровной семье, а новой — семье мужа. Выходя замуж, девушка брала (и до сих пор берёт) фамилию мужа, даже на этом уровне показывая, что она присоединяется к его семейству, а не наоборот. И в подавляющем большинстве случаев молодая жена уходила после свадьбы из родного дома в дом мужа.

Поскольку женщины были менее свободны, чем мужчины, то и требования общества к ним были ниже. Скажем, женщин-полонянок не считали изменницами. Целый большой народ, креолы, возник от смешения белых завоевателей с индейскими женщинами из покоренных племен в Латинской Америке, которых испанцы и португальцы брали в жены или делали своими наложницами. Мнения женщин в те суровые времена обычно не спрашивали, они доставались победителю в качестве трофея. Впрочем, в современной Мексике до сих пор, спустя 500 лет после конкисты, имя Малинче, наложницы Эрнана Кортеса, вызывает недобрые ассоциации. Но тут дело не в факте сожителства с конкистадором: индейцы майя сами подарили её для этих целей испанцам вместе с другими девушками-рабынями. Вина доньи Марины (так её после крещения стали называть испанцы) в другом. Быстро освоив испанский язык, она стала оказывать конкистадорам неоценимые услуги в качестве переводчицы и дипломата. То есть активно влияла на политику, действуя в интересах завоевателей. И вот этого ей не простили ни современники, ни потомки. Даже новое слово появилось — «малинчизмо», обозначающее измену и предательство. Мексиканские националисты употребляют его по отношению к соотечественникам, предавшим свой народ и родину, осуждая тех, кто смешал свою кровь и культуру с европейской или какой-нибудь другой. Однако история Малинче — это исключение, а не правило.

Но значит ли это, что женщины полностью освобождались от ответственности за защиту Отечества? Я бы так не сказала. Да, сфера деятельности женщин традиционно ограничивалась семьей. Но влияние распространялось гораздо дальше. От того, в каком духе воспитывались в семье дети, какие нравственные ценности им прививались, в дальнейшем зависела и судьба Отечества. Всем известна участь древнего Рима, который, несмотря на кажущееся могущество, пал. А причиной его падения, как опять-таки все знают, явилось ослабление духа из-за упадка нравов, который наблюдался не только в обществе, но и, разумеется, в семье (поскольку общество состоит из семей, и от воспитания детей зависит дальнейшее качество общества). Измены, коварство, вероломство, разнузданный и изощрённый разврат стали нормой существования тогдашних людей во всех слоях населения. Женщины в этих безобразиях не только не отставали от мужчин, но подчас и превосходили их. По крайней мере, имя Мессалины дошло до нас сквозь толщу веков и до сих пор служит олицетворением похоти и распутства.

В то же время нравственные, целомудренные матери даже в очень нелёгих условиях умудрялись, сохраняя супружескую верность мужьям-язычникам, оставаться верными Христу и своему небесному Отечеству. И воспитывали соответствующим образом своих детей, о чём нередко повествуют Жития святых. Все трое детей благочестивой Нонны – Григорий Богослов, Кесарий Назианзин и Горгония – почитаются как святые. При том что муж Нонны очень долго оставался язычником. “Жена, данная Богом моему родителю, – впоследствии вспоминал св. Григорий Богослов, – была для него не только сотрудницею, что ещё не удивительно, но ещё и руководительницею; она сама словом и делом направляла его ко всему прекрасному. Считая для себя обязанностью во всём прочем повиноваться мужу по закону супружества, в деле веры и благочестия она не устыдилась быть его наставницею... Часто молилась о его спасении с горячими слезами, часто обращала она к нему речь, исполненную самой сильной любви, а иногда христианских угроз, увещаний и т. п... Не могла она переносить этого спокойно, чтобы одной половиной быть в соединении с Богом, а другой частью самой себя – оставаться в отчуждении от Бога. Напротив того, она желала, чтобы к союзу плотскому присоединился и союз духовный”.

И вот однажды по молитвам св. Нонны её мужу было во сне видение. “Отцу моему представилось, – пишет святитель Григорий, – будто бы он (чего никогда прежде не делал, хотя и много раз просила и умоляла о том жена) поёт следующий стих Давида: “Возвеселихся о рекших мне: в дом Господень пойдём” (Пс. 71:1). И пение небывалое, и вместе с песнею является желание”. Сон произвёл на мужа Нонны, которого тоже звали Григорием, столь глубокое и благоприятное впечатление (а Нонна своими объяснениями его ещё больше усилила), что Григорий обратился в христианство. А потом даже стал епископом города Назианза и почитается в лике святителей. Дочь святых Нонны и Григория, святая Горгония, тоже привела к вере своего мужа-язычника.

В том же IV веке многое пришлось претерпеть и св. Монику, матери блаж. Августина. Его отец Патриций был грубым, вспыльчивым язычником и подавал сыну дурной пример. Но Моника изо всех сил старалась вложить в сына христианские понятия, и хотя в юности Августин отошёл от церкви, семя, посеянное в его душе благочестивой матерью и обильно политое её материнскими слезами, принесло впоследствии великие плоды: Августин стал одним из Отцов Церкви.

Что касается русской истории, то хотя св. княгине Ольге не удалось обратиться в христианство своего сына Святослава Храброго, её труды всё равно не пропали даром. Святослав до конца своих дней остался язычником, однако, защищая интересы отечества, сослужил Руси великую службу – разгромил Хазарию, которую известный историк Л. Н. Гумилев называл “злым гением Древней Руси”. И в духовном плане князь, сам о том не догадываясь, расчистил путь христианству. Хазары претендовали на абсолютную гегемонию в Кавказском регионе, разоряя набегами южные области Руси, истребляя славян и стремясь продвинуться как можно дальше на север. Если бы их экспансия удалась, то существованию Киевской Руси пришёл бы конец, и речь о её крещении, естественно, была бы неактуальной. Но после победы Святослава Хазария пришла в упадок, а Киевская Русь, наоборот, укрепилась. И потом, когда Господь неожиданно коснулся сердца Святославова сына и необузданный, свирепый язычник Владимир вдруг взыскал спасения, то, по словам церковного писателя второй половины XI века Иакова Мниха (монаха), он стал припоминать детство и благочестивые наставления своей бабушки, св. княгини Ольги. А вспоминая рассказы близких о том, как она уверовала и крестилась, и сам “разгорался Духом Святым в сердце, желая святого крещения”. Вот уж поистине – “нам не дано предугадать, как слово наше отзовется”!..

После принятия Русью крещения русские семьи дали стране и миру целый сонм святых. И матери этих семейств являли собой образцовый пример верности Богу, семье и Отечеству, поскольку сыновья, воспитанные ими, становились героическими воинами, мудрыми и честными государственными мужами, ревностными священниками и монахами, а дочери – либо невестами Христовыми, либо верными и добропорядочными матерями семейства. Чтобы в этом убедиться, достаточно почитать Жития русских святых или хотя бы прийти в Исторический музей и внимательно рассмотреть стенд, на кото-

ром изображено генеалогическое древо русских князей. Очень вдохновляющее и поучительное зрелище.

Если же отвлечься от “преданий старины глубокой” и перенестись в современность, то мы увидим, что, несмотря на достижения эмансипации, базовые представления о мужском и женском предназначении и семейных ролях в нашей стране всё равно пока ещё достаточно сохранены. Сколько при советской власти ни внушали, что женщина должна быть, прежде всего, работницей и борцом за светлое коммунистическое будущее, сколько ни тщатся заморозить голову в постсоветские времена феминизмом и необходимостью отказаться от “устаревших гендерных стереотипов”, народное сознание этого не приемлет. От женщины всё равно не ждут обязательного понимания политики, участия в политических партиях, общественных движениях и т. п. Да и они сами в большинстве своём к этому не стремятся. А если и участвуют, то, как правило, в областях, связанных с семьей и детьми: образовании, здравоохранении, защите материнства и детства. “Гендерные стереотипы” будут отчётливо видны, если мы, например, посмотрим, кто присутствует на чисто политических собраниях и там, где обсуждаются темы, связанные с детьми. Сколько ни заывают мужчин на акции против ювенальной юстиции, реформы образования и здравоохранения, политики “планирования семьи” и т. п., а всё равно “тётенок” там заметно больше. В последние годы, правда, мужчин прибавилось, поскольку наконец-то приходит понимание, что всё это — не второстепенные вопросы или даже “бабьи дела”, а самая что ни на есть столбовая дорога политики, поскольку от количества и качества молодёжи зависит судьба страны. Но удельный вес мужской аудитории на таких акциях всё равно не сопоставим с тем, каков он бывает на мероприятиях, посвящённых вопросам политического управления и экономики, войны, геополитики, истории и т. п.

Больше того, допуская участие женщин в политической и общественной жизни, социум, тем не менее, требует от них, в первую очередь, заботы о муже и детях. Женщина, которая “горит” на работе, пренебрегая воспитанием детей, вызывает, в лучшем случае, непонимание. А чаще — осуждение, поскольку она не выполняет свой основной долг перед мужем и детьми. Снисхождение делается лишь в том случае, если работа не общественная, а “за деньги”, и поглощённость ею объясняется необходимостью обеспечивать семью в случае болезни мужа или его безответственности. А также при его отсутствии. Но и в этих случаях слишком интенсивное “горение” не приветствуется. Да и сама женщина чувствует себя виноватой перед детьми и старается, по возможности, совмещать работу и воспитание детей.

К рабочему энтузиазму у мужчин общество относится иначе: с пониманием и даже с восхищением. Сколько великих учёных было так увлечено наукой, что вообще не замечало ничего вокруг, а потомки до сих пор вспоминают о них с благодарностью! Если мужчина — начальник, политик или общественный деятель, то он, в силу своей загруженности, не может уделять много времени семье и детям. И общество не только от него этого не ждёт, но и, напротив, проявляет недовольство, если такой человек ставит семейные интересы выше общественных. “Раз ты решил стать общественным деятелем, будь любезен, служи обществу, а не извлекай личную или семейную выгоду из своего положения”, — гласит общественная мораль.

От мужчины в подобных случаях требуется, чтобы он семью не бросал, не пил, не “гулял” и обеспечивал близких материально. Впрочем, последнее — по возможности. Если общественное служение мужа важно, хотя и не прибыльно, верная жена не будет его этим попрекать, а постарается сэкономить, найти какой-нибудь дополнительный заработок и т. п. В общем, как-то “выкрутиться”, не требуя от мужа отказа от его важного общественного служения.

Может, кому-то мои слова покажутся наивными, оторванными от современной реальности? Но ведь именно так жили (а нередко и живут до сих пор) в последние десятилетия семьи многих учёных, врачей, священников из бедной провинции, военных, руководителей общественных организаций патриотического направления, не получающих грантов из-за рубежа, и т. п. И для жён этих людей такая жизнь стала серьёзным экзаменом на любовь и верность.

ВЕРНОСТЬ БЕЗУСЛОВНА

Легко быть добрым, заботливым и любящим, когда всё хорошо, когда к тебе в ответ тоже добры и предупредительны. Но Христос требует от нас большего. Истинно христианская любовь безусловна. Бог любит нас не в ответ, а просто так. Если мы от него отходим, изменяем Ему, Он всё равно не перестаёт о нас заботиться и пытается привести к спасению. Хотя забота эта может выражаться и в грозном вразумлении, и в ниспослании болезней и скорбей. Раз безусловна любовь, то безусловна и верность, поскольку она является составной частью, неотъемлемым признаком истинной любви: “Любовь никогда не перестаёт” (1 Кор. 13:4). Принцип “ты мне – я тебе... Ах, ты так? – Ну, и я тогда – так!” никакого отношения к истинной любви не имеет.

Когда люди воспринимают семью как нечто неотделимое от себя, как единый организм, если они понимают, что никуда им друг от друга не деться, то они смиряются и худо ли бедно, но притираются друг к другу. Можно, конечно, дать отрезать себе ногу, но человек в здравом уме и твёрдой памяти соглашается на это в самом крайнем случае, когда всему его организму грозит заражение крови. Пока в сознании людей (и, соответственно, в законодательстве) была укоренена мысль о нерушимости брака, люди, несмотря ни на какие сложности взаимоотношений, почти не прибегали к “хирургическому вмешательству”. Сейчас такое понимание жизни сохраняется разве что в отношении родителей (чаще у матерей, чем у отцов) к детям. Как бы ни было трудно с ребёнком, каким бы строптивым, капризным, неблагодарным он ни был, мать даже мысли не допускает о том, чтобы поменять его на другого – хорошего, покладистого. Хотя и в этом отношении в последние десятилетия наблюдаются негативные сдвиги: случаи материнского отказа от новорожденных в роддомах учащаются, и, как отмечают исследователи процесса, общественное мнение начинает относиться к ним мягче, с большим пониманием (см. О. Исупова “Материнский отказ от новорожденного: как и почему”, СПб, Центр независимых социологических исследований, 2003). “В современной феминистской литературе задача ребёнка на усыновление иногда рассматривается как право матери (Field & Marck, 1994), – пишет автор, – поскольку материнство – это очень сложное и неоднозначное явление для гендерной теории, утверждающей в своих ранних вариантах, что оно слишком много отнимает у женщины как личности и слишком мало ей даёт (см., например, Rich, 1976), а потому женщина имеет право решать, может ли она найти место для ребёнка в своей жизни, сохранив в ней определённое пространство и для своей личности. Развитие и сохранение женщины как личности – это направление, которое феминистская и гендерная теории признают приоритетным для всякой женщины, в то время как остальное, в том числе рождение и воспитание детей, должно носить подчинённый характер” (с. 6).

Встречный процесс – отказ детей от родителей. У нас это поощрялось в 30-е годы по идейным соображениям (родители – “враги народа”). Затем революционный пыл охладел. Но теперь начат новый виток, уже в мировом масштабе. Прикрываясь заботой о “правах ребёнка”, разрушители семьи пытаются утвердить в Комитете Министров Совета Европы “Проект рекомендаций по правам и юридическому статусу детей и родительских обязанностей”, где предусматривается право ребёнка отказаться от своих родителей (ст. 27 п. 2). Будем надеяться, в России это не пройдет. Там же, где такая идеология утвердится, нетрудно предугадать дальнейшее разрушение понятия семейной верности, ещё больший рост эгоцентризма и одиночества “свободных личностей”.

На таком фоне сохранение верности – особенно когда вторая сторона тебе изменяет! – выглядит уже чуть ли не юродством. А призывы к ней – особенно при вышеупомянутых “отягчающих обстоятельствах”! – могут вызывать возмущение и гнев как негуманные и даже издевательские. “С какой стати оставаться верной неверному мужу?! Церковь ведь разрешает разводы, если совершено прелюбодеяние!”

Да, разрешает. Больше того, в каких-то случаях (мне, например, такие известны) духовники не только не удерживают женщину от развода, но и настоятельно советуют сделать это побыстрее, предвидя серьёзные опасности для неё и детей в случае продолжения семейной жизни. Но, во-первых, это всё равно не предполагает ответной неверности. А во-вторых, идеалом по-

прежнему остается другое. Святая Моника терпела не только грубость, но и измену супруга. И наверняка в её окружении находились люди, которые не понимали, зачем ей это нужно. Но дальнейшее развитие событий показало, что Моника была права. Её кротость, великодушие и одновременно непоколебимая твёрдость в вопросах собственной морали постепенно преобразили Патриция. Под влиянием примера её святой жизни он пришёл ко Христу и покаялся в своих изменах и бесчинствах.

Вы возразите: “Это было невесте когда, в IV веке!” Тогда куда более свежий пример, из конца XX-го. Старец Паисий Святогорец в книге “Семейная жизнь” рассказал про мать троих детей, муж которой вдруг пустился во все тяжкие: “Он зарабатывал много денег, но почти все тратил на свою развратную жизнь. Бережливость несчастной супруги удерживала их домашнее хозяйство от краха, своими советами она помогала детям устоять на верном пути. Она не осуждала отца, чтобы дети не начали испытывать к нему неприязни и не получили душевную травму, а также для того, чтобы они не были увлечены тем образом жизни, который он вёл”.

Положение было хуже некуда! “Когда муж приходил домой поздно ночью, ей было сравнительно легко оправдать его перед детьми: она говорила, что у него много работы. Но что ей было говорить, когда середь бела дня он заявлялся в дом со своей любовницей?” Причём не просто заявлялся, а ещё и издевательски требовал потчевать их разными кушаньями!

Но женщина даже тогда думала не о себе, а о детях. И шла ради них на страшные жертвы. “Несчастливая мать, желая уберечь детей от дурных помыслов, принимала их (любовниц мужа. — Авт.) радушно. Она представляла дело таким образом, что любовница мужа якобы была её подругой, а муж заезжал к “подруге” домой, чтобы привезти её в гости на машине. Она отправляла детей в другие комнаты учить уроки, чтобы они не увидели какую-нибудь неприличную сцену, ведь её муж, не обращая внимания на детей, даже при них позволял себе непристойности. Это повторялось изо дня в день. То и дело он приезжал с новой любовницей. Дело дошло до того, что дети стали спрашивать её: “Мама, сколько же у тебя подруг?”

Этот кошмар продолжался несколько лет. Муж вёл себя, как сумасшедший, относился к жене по-свински, злобствовал, бесновался, обвинял всех и вся. Но через какое-то время Господь как следует вразумил бесноватого. Он сорвался на машине в пропасть и был страшно изувечен. Весёлая жизнь кончилась. “Подругам” жены он в таком состоянии стал не нужен, и лишь “добрая супруга и добрая мать заботливо ухаживала за ним, не напоминая ему ни о чём из его блудной жизни. Он был потрясён, и это изменило его духовно. Он искренне покаялся, попросил прислать к нему священника, поисповедовался, несколько лет прожил по-христиански, имея внутренний мир, и упокоился о Господе. После его кончины старший сын занял его место в бизнесе и содержал семью. Дети этого человека жили очень дружно, потому что они унаследовали от своей матери добрые принципы”. Эта глава в книге старца Паисия так и называется: “Верная жена” (“Блаженной памяти старец Паисий Святогорец, “Слова”, том IV, “Семейная жизнь”. Монастырь святого Апостола и Евангелиста Иоанна Богослова, Суроти, Салоники, Издательский дом “Святая гора”. М., 2004. С. 57–59). Но можно было бы добавить и “верная мать”, ведь из повествования старца понятно, что женщина терпела все эти муки главным образом из сострадания к детям, опасаясь, что развенчание образа отца и крах семьи потрясут их неокрепшие души и они отшатнутся от веры, пойдут по кривой дорожке. И Господь не посрамил её подвиг! Хотя, наверное, многим современным женщинам он вряд ли понятен. С мирской точки зрения, её семейная жизнь сложилась несчастливо: сначала она страдала от неверности и хамства мужа, потом ухаживала за калекой, а потом овдовела. Но ведь цель христианского брака не в достижении земного комфорта и благополучия, а в том, чтобы вместе идти к спасению. По вине мужа путь этот, увы, оказался весьма тернистым. Но Христос не обещал нам счастья на Земле, а наоборот, сказал: “В мире будете иметь скорбь; но мужайтесь: Я победил мир” (Ин. 17:33).

“Эта мать, — подытоживает рассказ старец Паисий, — мать-героиня. Для того чтобы спасти семью от распада, а своих детей — от горькой печали, она выпила их горькие чаши сама. Она удержала семью от распада, спасла своего мужа и сама заработала небесную мзду. Бог даст этой женщине лучшее место в Раю”.

ВЕРНАЯ МАТЬ ВЕРНА ВСЕМ СВОИМ ДЕТЯМ

В чём ещё выражается верность матери? В первую очередь, в том, чтобы не делать аборт. Многие неверующие или маловероующие люди не видят тут связи, а ведь на самом-то деле получается, что одним детям мать верна, а других предаёт. Для одних не жалует ни времени, ни денег, ни сил, а других лишает всего, даже их собственной жизни. В советское время, когда женщины, обманутые “передовой наукой”, верили, что зародыш – ещё не человек, наличие у него бессметной души, равно как и существование Бога, агрессивно отрицалось. Поэтому отношение к аборту было достаточно легкомысленным. Женщины пеклись лишь о том, чтобы не испытывать боли. Даже перспектива бесплодия их не особенно волновала. Это могло напугать только в случае первой беременности. А уже имея одного ребёнка, люди часто считали, что его достаточно.

После краха советской власти Церкви постепенно удалось донести до народа, что аборт – самое настоящее детоубийство. Для женщин старшего возраста это стало страшным открытием. Многие говорят, что никогда бы не совершили этого греха, если бы знали правду. В наши дни правду замолчать невозможно, и опыт преабортного консультирования показывает, что, узнав её, тысячи женщин решают оставить ребёнка даже в достаточно сложных жизненных ситуациях. Размышления на тему верности тоже, как мне кажется, могли бы помочь матерям принять единственно правильное решение – сохранить своему малышу жизнь.

ЧТО ЗНАЧИТ “БЫТЬ НА СТОРОНЕ РЕБЁНКА”?

Не скажу, что сплошь и рядом, но попадаются мамы, которые чересчур буквально восприняли призывы всегда быть на стороне ребёнка. Что бы ни вытворило их чадо, они стараются его оправдывать. Да ещё подводят под это теоретическую базу! Дескать, в этом и состоит верность матери! Кто его защитит, если не я?

И защищают: от папы, возмущённого буйством и непослушанием сына, от сверстников (хотя, вполне возможно, “сам” тоже хорош), от соседей по дому и прохожих на улице, от “злых училок” и прочих недоброжелателей, которые вечно к нему придираются, буквально липнут, как железки к магниту. Помнится, одна такая мама ходила “качать права” к директору школы даже после того, как её сын запустил камнем в учительницу. По его мнению, она занизила ему оценку. А раз так, то “получи, фашист, гранату!” Мама оправдывала сыночка во всех его действиях, поскольку оценка и впрямь была занижена. И грозилась пожаловаться в Управление образования на то, что к её ребёнку в этой школе (как, впрочем, и в двух предыдущих!) не нашли подхода.

Подобные случаи, безусловно, встречаются не каждый день, но назвать их полной экзотикой тоже нельзя. Поговорите со школьными учителями или найдите в интернете родительские форумы, и вы сами увидите, каков настрой немалого числа мам (и пап).

Ещё один пример: первоклассница Настя регулярно устраивает истерики из-за того, что учительница не уделяет ей столько внимания, сколько хочется Насте. А ей хочется царить всегда и во всём. Дай девочке волю, только её и слышно будет, никто слова вставить не сможет. Когда при Насте похвалили кого-то другого, она тут же принимается громко расхваливать свои достижения или бурно обижается, “показывает характер”. Уроки Настя регулярно срывает, требуя, чтобы её непременно спросили первой. В конце концов, измотанная истериками учительница решила применить меры и на неделю лишила Настю права отвечать у доски.

Казалось бы, мама, которая больше всех страдала от эгоизма и несдержанности Насти, должна была бы поддержать учительницу. Но нет! Она была возмущена наказанием дочери!

– Я же объясняла Анне Викторовне: Настенька – ребёнок нетерпеливый. Но если её спрашивать каждый раз первой, она успокоится и дальше не будет мешать. Хотя бы какое-то время. Неужели трудно пойти ребёнку навстречу?

Маме не приходила в голову простая мысль о том, что другие дети быстро зададутся вопросом: с какой стати Настя должна всегда быть первой? Чем она лучше их? Почему у неё привилегированное положение?

Маму переживания других детей нисколько не волновали. Главное, чтобы дочка была довольна и не шумела. То есть Настина мать, активно подпитывала дочкин эгоизм и фактически способствовала тому, чтобы одноклассники её возненавидели. Но при этом думала, что она действует в интересах девочки, принимая её сторону.

Не спорю, защищать детей надо. Порой совершенно необходимо! Но ещё необходимей учить их прощать, уступать, терпеть, преодолевать трудности. Быть на стороне ребёнка – значит помогать ему вырасти хорошим человеком: совестливым, благородным, добрым, самоотверженным, а не потворствовать его безобразиям, прикрываясь словами о родительской преданности. “Следовало бы [видя согрешающего сына] сокрушаться и плакать, – поучает св. Иоанн Златоуст, – или лучше не плакать только, но и удерживать, обуздывать, советовать, убеждать, устрашать, укорять, прогонять эту болезнь всеми способами врачевания и подражать той вдове, о которой говорил Павел: “Если она воспитала детей” (1 Тим. 5:10). Ибо не к ней только, но и ко всем он обращает эти слова и всех увещевает так: воспитывайте детей в учении и наставлении Господнем (Еф. 6:4). Это первое и величайшее из благ”.

ДОРОЖЕ СЕРЕБРА И ЗЛАТА

Ничто так не вдохновляет, как хорошие примеры. Особенно в детстве и юности, когда человек ещё неустойчив и легко может подпасть под дурное влияние. Но и потом добрый пример подобен яркому лучу, рассеивающему мглу и мрак, или глотку свежего воздуха, который сразу даёт почувствовать разницу между тем, чем мы дышим, и тем, чем вообще-то положено дышать, если мы хотим сохранить здоровье.

Примеров женской верности в мировой истории и культуре не счесть, но в условиях информационной войны, как сейчас, делается всё, чтобы молодёжь знала об этом поменьше, и пропагандируется прямо противоположное. Однако замолчать всё невозможно. Особенно в русской культуре, где любимый многими поколениями, центральный образ в творчестве самого любимого русского поэта – это Татьяна Ларина. И любят её именно за то, о чём мы сейчас говорим: за нравственную чистоту, верность и благородство. Сколько бы ни пытались расшатать нравственные устои, но тихие, твёрдые слова “...я другому отдана и буду век ему верна” уже без малого двести лет западают в душу читателям и не дают позабыть, что женская честь и верность как идеал неотменимы. Что бы мы там себе ни внушали и ни выдумывали.

Сам Александр Сергеевич тоже любил иронизировать на эту тему. В романе “Евгений Онегин” он шуточно сравнивает с верной женой... хандру: “Хандра ждала его на страже. И бегала за ним она, как тень иль верная жена”. Сравнение, согласитесь, нелестное. Да и любовные похождения поэта, воспетые в талантливых стихах, отнюдь не способствовали умножению верности на Земле. Но выше он, защищая не что-нибудь, а именно честь жены и ту самую верность, над которой когда-то так беспечно посмеивался. Господь дал ему почувствовать, каково быть обманутым мужем – пусть даже только в людском воображении! А затем смилостивился и позволил русскому гению войти в историю не комедийным персонажем, каким тот рисовал обманутых мужей (“и рога носец величавый, всегда довольный сам собой, своим обедом и женой”), а герою трагедии. Имя Натальи Николаевны, несмотря на происки врагов, осталось в веках незапятнанным, честь семьи была сохранена. Правда, далось это очень дорогой ценой – ценой страшной, мучительной смерти поэта, кровавым искуплением греха былых измен.

Появление образа Татьяны Лариной в русской литературе, разумеется, не случайно. Верность была в России не только идеалом, но и нормой жизни. В Тверской губернии на протяжении семи веков существовал благочестивый обычай в праздник Вознесения Господня совершать крестный ход на святую гору, высокий холм близ села Единонова Корчевского, где, по преданию, святая благоверная Анна Кашинская прощалась со своим мужем, святым благоверным князем Михаилом Тверским перед его последней поездкой в Орду. Больше они в этой жизни не встретились, но трогательная сцена прощания супругов сохранилась в народной памяти вплоть до наших дней. Сохранилась и память о Ярославне, жене князя Игоря, увековеченной в “Слове о полку Иго-

реве” и ставшей, можно сказать, нарицательным образом верной русской жены. Её плач несётся над русской землёй, подхваченный миллионами женщин, и не смолкнет до скончания века, потому что, сколько существует наша страна, столько насаждают на неё враги.

Потрясающий подвиг верности явили жёны декабристов, что тоже не замедлило отразиться в нашей литературе и искусстве.

*“...Пять тысяч каторжников там,
Озлоблены судьбой,
Заводят драки по ночам,
Убийства и разбой;
Короток им и страшен суд,
Грознее нет суда! —*

пугает княгиню Трубецкую губернатор в поэме Некрасова “Русские женщины”:

*И вы, княгиня, вечно тут
Свидетельницей... Да!
Поверьте, вас не пощадят,
Не жжалится никто!
Пусть ваш муж — он виноват...
А вам терпеть... за что?”
“Ужасна будет, знаю я,
Жизнь мужа моего.
Пусть же будет и моя
Не радостней его!
Пусть смерть мне суждена —
Мне нечего жалеть!..
Я еду! еду! я должна
Близ мужа умереть”, —*

отвечает Екатерина Трубецкая.

А вот что она говорит уже не в стихах Некрасова, а в реальном письме, написанном иркутскому губернатору 14 января 1827 года:

“Но если б чувства мои к мужу не были таковы, есть причины ещё важнее, которые принудили бы меня решиться на сие. Церковь наша почитает брак таинством, и союз брачный ничто не сильно разорвать. Жена должна делить участь своего мужа всегда, и в счастии, и в несчастии, и никакое обстоятельство не может служить ей поводом к неисполнению священной для неё обязанности. Страданье приучает думать о смерти: часто и живо представляется глазам моим тот час, когда, освободясь от здешней жизни, предстану пред великим Судьею мира и должна буду отвечать Ему в делах своих, когда увижу, каким венцом Спаситель воздаст за претерпленное на земле именно Его ради, и вместе весь ужас положения несчастных душ, променявших Царствие Небесное на проходящий блеск и суетные радости земного мира. Размышления сии приводят меня в ещё большее желание исполнить своё намерение, ибо, вспомнив, что лишение законами всего, чем свет дорожит, есть великое наказание, весьма трудное переносить, но в то же время мысль о вечных благах будущей жизни делает добровольное от всего того отрицанье жертвою сердцу приятною и легкою”.

Юную Марию Волконскую тоже не испугали ни утрата титула, состояния и с детства привычного образа жизни, ни холод и лишения, ни разлука с родными и даже с малюткой сыном.

*Да, ежели выбор решить я должна
Меж мужем и сыном — не боле,
Иду я туда, где я больше нужна,
Иду я к тому, кто в неволе!
Я сына оставлю в семействе родном,*

*Он скоро меня позабудет.
Пусть дедушка будет малютке отцом,
Сестра ему матерью будет.
Он так ещё мал! А когда подрастёт
И страшную тайну узнает,
Я верю: он матери чувство поймёт
И в сердце её оправдает!*

*Но если останусь я с ним... и потом
Он тайну узнает и спросит:
“Зачем не пошла ты за бедным отцом?” —
И слово укора мне бросит.
О, лучше в могилу мне заживо лечь,
Чем мужа лишит утешенья
И в будущем сына презренье навлечёт...
Нет, нет! не хочу я презренья!..”*

“За что ты себя обрекаешь на муку?” — спрашивает Марию отец. И слышит в ответ:

*Не буду я мучиться там!
Здесь ждёт меня страшная мука.
Да, если останусь, послушная вам,
Меня истерзает разлука.
Не зная покоя ни ночью, ни днём,
Рыдая над бедным сироткой,
Всё буду я думать о муже моём
Да слышать упрёк его кроткий.
Куда ни пойду я — на лицах людей
Я свой приговор прочитаю:
В их шёпоте — повесть измены моей,
В улыбке — укор угадаю:
Что место моё не на пышном балу,
А в дальней пустыне угрюмой,
Где узник усталый в тюремном углу
Терзается лютою думой,
Один... без опоры... Скорее к нему!
Там только вздохну я свободно.
Делила с ним радость, делить и тюрьму
Должна я... Так небу угодно!..*

Княгиня Волконская сделала трагический выбор в пользу мужа, не разделяя его революционных взглядов и даже (по нынешним временам это может показаться особенно странным) не будучи в него влюблена. Просто она была слишком благородна, чтобы бросить мужа в беде. “Чем несчастней мой муж, тем более он может рассчитывать на мою привязанность и стойкость”, — написала она свекрови 12 февраля 1827 года.

“Это самая удивительная женщина, которую я когда-либо знал”, — промолвил под конец жизни её отец, хотя когда-то делал всё возможное, чтобы удержать дочь от отъезда в Сибирь, и даже грозил ей отцовским проклятием.

Кстати, не только Мария Волконская оставила ребёнка на попечение родных, последовав за мужем в Сибирь. “До отъезда в Сибирь детей не было лишь у Трубецкой и Нарышкиной (последняя ещё до осуждения мужа потеряла единственную дочь), — пишет Э. А. Павлюченко в книге “В добровольном изгнании”. — Дочь Ентальцевой от первого брака воспитывалась у отца. А. И. Давыдова рассовала по богатым родственникам шестерых. А. Г. Муравьёва поручила заботам бабушки двух маленьких дочек (старшей — три года) и совсем крохотного сына. Н. Д. Фонвизина, единственная дочь престарелых родителей, оставила их с двумя внуками двух и четырёх лет... А. В. Розен, по настоянию мужа, задержалась с отъездом, ожидая, пока подрастёт сын. М. К. Юншевской не разрешили взять с собой дочь от первого брака. У буду-

шей жены Анненкова — П. Гебль — также была дочь, оставшаяся с бабушкой. Расставались, имея очень мало надежд на то, что когда-нибудь свидятся. По постановлению Комитета министров, “невинная жена”, последовавшая за мужем в Сибирь, должна была оставаться там до его смерти, а может быть, и до собственной смерти, так как правительство не гарантировало обязательного возвращения женщин в случае смерти их мужей — “государственных преступников” (что, кстати, и подтвердилось)”.

Современным людям, склонным винить родителей чуть ли не во всех своих бедах, полезно узнать, как относились к родителям дети декабристов, хлебнувшие лиха и вообще-то имевшие основания предъявлять к ним претензии. Записки Ольги, дочери Ивана Анненкова, родившейся в Чите в 1830 году, начинаются со слов: “Первые мои воспоминания — тюрьма и оковы. Но несмотря на всю суровость этих воспоминаний, они лучшие и самые отрадные в моей жизни”.

После смерти Никиты Муравьёва его четырнадцатилетнюю дочь Софью определили в Екатерининский институт, но не под фамилией отца, а под другой, вымышленной — Никитина. Однако девочка не отреклась от родителей. Она не откликнулась на эту фамилию, и её звали по имени. Существует рассказ о посещении института императрицей, которая спросила: “Почему, Нонушка, ты мне говоришь “madame”, а не называешь “maman”, как все девочки?” “У меня есть одна только мать, и та похоронена в Сибири”, — ответила девочка.

По воспоминаниям А. Бибиковой, внучки Софьи Муравьёвой, “бабушка не только любила своего отца, она его просто боготворила и свято чтит его память и всё, что он успел передать ей из своих знаний”.

Спустя сто с лишним лет, в ещё более страшных условиях, подвиг верности повторила жена священника Григория Пономарёва. Оставив трехмесячную дочку на попечение родных, она поехала в Сибирь искать супруга, который был осужден по ст. 58 УК РСФСР как служитель культа. В НКВД матушке Нине выдали разрешение на свидание с мужем, и она пустилась в далёкий путь. Время было опасное, кругом воровство, бандитизм, люди нередко пропадали без вести. Путь на поезде до Улан-Удэ занял около двух недель. Когда же матушка, наконец, добралась до места назначения, её нагло обманули, заявив, что до места, где находится её муж, надо ехать ещё 20–30 км. А на самом деле зона, где содержался о. Григорий, была рядом, за забором! Но пока женщина дождалась разрешения от начальства на продолжение пути, мужа отправили по этапу дальше, и матушке Нине пришлось возвращаться домой, так и не повидавшись с ним. В поезде она страшно простудилась, и её как умирающую даже хотели снять с полдороги. Но молитвой и неимоверными усилиями матушка всё же продержалась до Свердловска, где её встречали брат с сестрой, которым она успела дать телеграмму. В больнице поставили диагноз “двухстороннее воспаление лёгких с абсцессом в нижней доле правого лёгкого и высшей степенью истощённости”. Надежды на выздоровление практически не было, но матушка всё-таки выжила, проведя в больнице два с половиной месяца. С мужем, осуждённым на десять лет и отправленным в Магадан, они увиделись не десять, а пятнадцать лет спустя, в 1953 году, когда его, наконец, отпустили на волю. Они прожили в браке 61 год и завершили свой земной путь, как Пётр и Феврония, в один день. Дочь о. Григория и матушки Нины, Ольга Пономарёва, благодарная родителям за подвиг любви и верности, написала об их жизни прекрасную книгу “Во Имя Твоё...”. Нам сейчас такие книги и такие истории нужны, как воздух. Сколько бы женщины ни кивали на мужчин, исправление общества зависит, в первую очередь, от верных жен. От их целомудрия и чистоты.

Но даже если мы не сможем повлиять на общественно-исторические процессы, то, какую страницу мы впишем в историю своей семьи, зависит от нас. Тем, кто осознал это чересчур запоздало, оставлен путь покаяния. Тем же, кто ещё не успел насажать на страницах семейной летописи клякс и ошибок, следует хранить верность “паче тысяч злата и сребра” (Пс. 118:72), ибо она драгоценнее самых дорогих сокровищ. Ну, а как это запечатлеется в памяти потомков: в виде книг или устных преданий — неважно. Главное — они будут вспоминать вас с благодарностью.